

ОБРАЗ ПРОМЕТЕЯ В РОМАНЕ ФРАНЦА ФЮМАНА «ПРОМЕТЕЙ. БИТВА ТИТАНОВ»

А. А. Гацкан

Белорусский государственный университет, г. Минск;
imsanchesgatskan@gmail.com;

науч. рук. – Ю. Г. Курилов, канд. фил. наук, доц.

В статье рассматривается интерпретация образа Прометея в романе «Прометей. Битва титанов» (*Prometheus. Die Titanenschlacht*, 1974) немецкого писателя второй половины XX в. Франца Фюмана (Franz Fühmann, 1922 – 1984). Автором была предпринята попытка осмыслить жизненный опыт и своё разочарование в переменах в Германии, не оправдавших его ожиданий. Прометей, наиболее известный читателям по трагедии древнегреческого драматурга Эсхила «Прометей прикованный» как ярый борец против тирании богов и человеколюбивая личность, становится свидетелем повторяемости истории.

Ключевые слова: интерпретация; литература XX в.; литература ГДР; миф; реконструкция мифологического сюжета

Античная литература – образец для подражания и источник вдохновения для многих писателей разных времён: деятели искусств обращались к древнегреческим и древнеримским текстам даже в эпоху Средневековья, когда под влиянием христианства избавлялись от всего, связанного с язычеством. Влияние античной мифологии, которая играла существенную роль в литературе того времени, на культуру невозможно переоценить: в массовом сознании укоренились имена богов и богинь, героев и девушек, обладающих неотразимой красотой, титанов и ужасающих чудовищ; использование всего перечисленного характерно для создания художественных образов до сих пор.

Понятие «миф» изучали Я. Гримм, А. Кун, М. Мюллер, Х. Штейнталь, А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев и др., но определение всё ещё остаётся неточным, учитывая расширение его значения в современной истории. Е. Мелетинский, великий российский специалист по структурному изучению мифологии и типологии фольклора, определяет миф как «один из центральных феноменов в истории культуры и древнейший способ концепирования окружающей действительности и человеческой сущности» [5].

Для XX в. характерна эксплуатация традиционного мифа, что отражает специфику модернистского мифотворчества этого времени. Она показывает социальное отчуждение и одиночество человека, в отличие от «нарочито гармонизирующего первобытного и древнего мифа» [5]. Для писателей XX в. типично использование демифологизации, ремифологизации, авторского мифотворчества, собственной интерпретации мифологических сюжетов и героев и их трансформация. В традиционном мифе герои проходят испытания, подобные обряду инициации, которые персонажи в большинстве своём выдерживают и обретают славу; герои XX в. также проходят различные испытания, однако все чаще оказываются поверженными. Так, Агамемнон Носсака из «Кассандры» предстаёт перед читателями уставшим, почти сломленным войной и ответственностью. Он всё ещё держится за свою

гордость и из-за неё вместе с моральным истощением отказывается от действий, чтобы избежать своей смерти. Подобная трансформация происходит со многими античными образами.

Образ Прометея был любим как в античной, так и в европейской литературе. Впервые герой появляется в «Теогонии» Гесиода: в произведении отмечается «хитрый, искусный ум» Прометея [1], а сам титан «выступает в роли фольклорного “обманщика” (“трикстера”), которому на какое-то время удаётся провести Зевса» [12]. Сперва титан обманывает громовержца, подталкивая к выбору костей животных в качестве жертвоприношения, а после, когда рассерженный Зевс скрывает от людей огонь, крадёт пламя. Гесиодом отмечается, что поступки Прометея вызвали гнев богов на само человечество, тем самым делая титана виновным в бедах человечества:

«Сын Иапета, меж всеми искуснейший в замыслах хитрых!

Рад ты, что выкрал огонь и мой разум обманом опутал

На величайшее горе себе и людским поколениям!

Им за огонь ниспошлю я беду. И душой веселиться

Станут они на нее и возлюбят, что гибель несет им».

Так говоря, засмеялся родитель бессмертных и смертных» [2]

Совсем иная интерпретация появляется у Эсхила. В «Прометее прикованном» древнегреческого автора, единственной трагедии из (вероятной) трилогии, дошедшей до нашего времени в полном объёме, титан предстаёт возвышенной личностью, человеколюбивой и лишённой сомнений, поступающей так, как считает нужным, даже перед лицом наказания: «К тебе, пронира и брюзга брюзгливейший, / Богов предатель, а людей, чей век как день, / Заступник-благодетель, огнекрад, спешу» [11]. Характер титана сильнее выделяется на фоне мягкости Океанид, покорности их отца, пугливости Ио, выслуживании Гермеса и враждебной жестокости Зевса к человечеству. Жертвенность Прометея – призыв бороться с любой тиранией:

«В ушах твоя навязла речь, как моря шум.

Не смей и думать, что решенья Зевсова

По-женски утрашусь я и, как женщина,

Заламывая руки, ненавистного

Просить начну тирана, чтоб от этих пут

Меня освободил он. Не дождется, нет!» [11]

Свой «Прометей» есть и у И. В. Гёте: в его произведении периода «Бури и натиска» поэт изображает титана дерзким, независимым создателем, обличающим Зевса и остальных богов в невыполнении обязательств, которые были возложены на них, когда они начали принимать жертвоприношения:

«Нет никого под солнцем

Ничтожней вас, богов!

Дыханием молитв

И дымом жертвоприношений

Вы кормите свое

Убогое величие,

И вы погибли б все, не будь на свете
Глупцов, питающих надежды,—
Доверчивых детей
И нищих.

<...>

Мне – чтить тебя? За что?
Рассеял ты когда-нибудь печаль
Скорбящего?
Отер ли ты когда-нибудь слезу
В глазах страдальца?
А из меня не вечная ль судьба,
Не всемогущее ли время
С годами выковали мужа?» [3]

Белорусский литературовед Г. В. Синило отмечает, что впоследствии «"Прометей" Гёте стал восприниматься как манифест всего штюрмерского движения, а образ лирического героя рассматривался поэтом через призму библейских текстов» [8, с. 316 – 317].

Как понятно из вышеизложенных литературных примеров, образ Прометея, рассматривался писателями в контексте их времени, философского мировоззрения, личного опыта и т. д. Поэтому неудивительно, что интерпретация Ф. Фюмана (Franz Fühmann, 1922 – 1984) имеет свои особенности.

«Прометей. Битва титанов» (*Prometheus. Die Titanenschlacht*, 1974) – первая часть несостоявшейся трилогии, повествование в которой идёт о свержении Кроноса, установлении власти Зевса и создании Прометеем людей. При этом, видение как сюжета, так и характеров персонажей является интерпретацией произведений многих античных авторов (Эсхила, Гесиода, Гомера, Аполлодора и др.) и находится под влиянием биографии автора: в подростковом возрасте он записался добровольцем в вермахт, после советского плена и антифашистской школы осудил своё прошлое и стал социалистом, однако и новый строй не совсем отвечал запросам писателя: «Его смущали “отсутствие диалектики, одномерность видения современного мира и внутренних противоречий”, по его собственному признанию, он “жил иллюзией, что вхождение в новое общество равносильно вступлению в царство абсолютной справедливости, человечности, демократии...”» [7].

Ф. Фюман выделяет основные темы в романе «Прометей. Битва титанов», которые являются ключевыми для его творчества в целом:

1. «Выяснение причин и признаков любых воздействий на подрастающее поколение, которые ведут человека к фашизму и варварству, заставляют его действовать, думать и чувствовать бесчеловечно.
2. Возможности и способы освобождения из плена этой среды. Ф. Фюман стремится выяснить, как в определённой общественной обстановке тому или иному конкретному человеку со всей присущей ему индивидуальностью удаётся стать поистине свободным.
3. Идентификация нового свободного человека» [6].

Авторские поиски сконцентрированы в образе Прометея, который выходит на первый план. Он выделяется на фоне других титанов: Прометей бодрствует, в то время как остальные титаны дремлют, живя от субботнего пиршества до следующего, пребывая в состоянии вечного безразличного спокойствия («*Wir Titanen brauchen nicht Freude, und wir brauchen nicht Leid, so sprach er tadelnd zu Tethys. »Gefühle bringen nur Unordnung in die Welt, und das wäre der Untergang! Eure Kinder sind dazu da, das Strömen der Wässer zu überwachen und sie im Winter einzueisen und im Frühling aufzutauen, wie die ewigen Gesetze es verlangen! Was soll dabei das Lachen und Lärmen? Das kann doch nur pflicht-vergessen machen! Ich verbiete es hiermit für alle Zeiten! Denkt an die Hundertarmigen!*¹» [13, с. 8]), не пытаясь как-либо противостоять ему, вернуть себе свои прежние обязанности, править всем один день недели, власть, которую у них отобрал Кронос, из-за лени и страха перед властителем, подкрепляемых напоминаниями об участи заключённых под землёй Сторуких: «*“So ist es gut, und so soll es bleiben”, sprach Kronos, “und damit es so bleibe, will ich fortan allein der Gebieter sein! Weh dem, der sich meinem Willen widersetzt! Denkt an die Hundertarmigen und ihre Strafe!”*²» [13, с. 9]. Прометей же жаждет перемен: с тех пор, как дар Геи, с которой у героя образовалась сильная связь, дала возможность ему видеть природный мир, слышать его, различать цвета, которые он прежде видеть не мог, сумрачные дворцы-пещеры Млечного Пути ему наскучили («*Was ist das doch für ein ödes Reich, dem Kronos gebietet! Es soll immer alles beim alten bleiben: Die Sonne soll rollen und rollen und rollen und rollen und das Weltall schweigen und schweigen und schweigen und schweigen und schweigen und der Felsen starr sein und starr sein und starr sein und starr sein und die Zeit soll so hingehn und hingehn und hingehn und hingehn und hingehn und nichts sich verändern für ewig und ewig – das ist ja genau so, als ob gar keine Zeit wäre und gar nichts geschähe, wenn immer nur das gleiche geschieht!*³» [13, с. 59]) в противовес другим титанам, которые не знают, что такое будущее, и у которых его нет. Мир Кроноса видится ему статичным, мёртвым, противоположным живому, природному миру. Это проявляется в том, что титаны перестали производить на свет детей с тех пор, как стало понятно: Кронос испытывает страх перед новорождёнными, поглощает собственных потомков, помня, как сам сверг своего отца, боясь той же участи.

¹ «Нам, титанам, радость не нужна и не нужно страдание, – с укоризной говорил он Тетии. – Чувства привносят в мир только беспорядок, а это грозит гибелью. Ваши дети существуют для того, чтобы следить за течением вод, чтобы зимою их замораживать, весною же давать им оттаять, как того требуют извечные законы. При чём тут смех и шум? Из-за них можно позабыть свой долг. Отныне и на все времена я встречаю смех и веселье! Попомните о Сторуких!» [9]

² «Всё это хорошо, и так пребудет всегда, — произнёс Кронос, — а чтобы так оставалось всегда, отныне и впредь повелителем буду я один! Горе тому, кто воспротивится моей воле! Помните о Сторуках и постигшей их каре!» [9]

³ «Какое же скучное царство у Кроноса! Вечно всё должно оставаться по-старому: солнце должно катиться, катиться, катиться и катиться, Вселенная молчать, молчать, молчать и молчать, скала оставаться неподвижной, неподвижной, неподвижной, неподвижной, а время всё так же идти, идти, идти, идти, и ничто не меняться вовеки, вовеки, вовеки, вовеки!» [9]

Выделяется Прометей и на фоне богов: они не считают его равным себе. Зевс, ещё не получивший престол и сильно нуждавшийся в помощи героя, замечал, что он сын властелина, Кроноса, а его друг – обычного титана. Этим же непризнанием Зевс позднее оправдывал своё решение не давать Прометею власти в какой-либо сфере: *«Ich halte es nicht für richtig», sprach Zeus, »den Prometheus an unsrer Herrschaft zu beteiligen! Überlegt doch, wer da noch alles Ansprüche erheben könnte: Rhea zuerst, dann auch Iapetos und Epimetheus, und auch Okeanos und Tethys und ihre tausend mal tausend Kinder! Wenn sie auch jetzt nichts verlangen, so tun sie es später, oder tun's ihre Nachkommen! Wohin soll das führen, wenn es keine scharfe Grenze zwischen uns und ihnen gibt!«*⁴ [13, с. 109]. Боги пытаются установить различия между собой и титанами, которых практически нет: большая часть богов являются детьми Кроноса и Реи, что делает их равными Прометею и Эпиметею – детям Япета и Фемиды (как уже выше было сказано, изначально власть распределялась между титанами по дням недели). Единственной разницей между богами и титанами становится сторона, за которую каждый воевал: либо за Кроноса, либо против него. Однако это не разграничивает их и Прометея. Богами приуменьшается роль титана в битве, а также уточняется, что, пока боги были заточены в теле Кроноса, Прометей бывал на пиршествах предыдущего владыки и имел свободу передвижения. Гера сказала: *«Ich finde, wenn wir ihn nicht zu den andern Titanen in die Unterwelt sperren, ist das Lohn genug!»*⁵ [13, с. 109].

Самое большое отличие образа Прометея у Фюмана и Эсхила заключается в чувстве неуверенности, главного героя терзают сомнения: *«<...> da fiel ihm ein, daß ihn Kronos vielleicht gar nicht gesehen habe und daß es daher höchst töricht wäre, ihm freiwillig alles zu bekennen, und gleichzeitig fiel ihm ein, daß der Herrscher ihn vielleicht schon lange beobachte und daß vielleicht jetzt der letzte Moment sei, eine Strafmilderung zu erreichen, und gleichzeitig fiel ihm ein, daß Kronos ihn möglicherweise längst gesehen und verurteilt habe und nun irgendwo um den Sirius fliege, und daß es daher ganz gleichgültig sei, was er jetzt tue»*⁶ [13, с. 69]). Неуверенность становится отчасти причиной медлительности и осторожности Прометея: ещё до свержения режима Кроноса титан замечает недостатки Зевса (используя дар превращения, который он получил от Геи, бог превращался в разных хищников, пугая тем самым остальных животных и находя это забавным; когда Прометей и Зевс искали способ навредить Кроносу и нашли ядовитое растение, бог предлагает подложить его части в корм

⁴ «Я считаю неверным, чтобы Прометей участвовал в правлении царством, – заявил Зевс. – Подумайте, сколько ещё титанов могли бы на это претендовать, во-первых, Рея, затем Япет и Эпиметей, да ещё Океан и Тетия и тысяча тысяч их детей! Пусть они сейчас ничего не требуют, зато потребуют позже, или же это сделают их потомки. К чему это приведёт, если между нами и ими не будет чёткой границы!» [9]

⁵ «Я считаю, для него будет достаточной наградой, если мы не заточим его вместе с другими титанами в подземном царстве» [9]

⁶ «<...> и тут ему пришло в голову, что Кронос, может быть, вовсе его не видел и потому величайшей глупостью было бы добровольно ему во всём признаться. Но в то же время ему пришло в голову и другое: что повелитель, возможно, уже давно за ним наблюдает и что он, Прометей, сейчас упускает возможность добиться смягчения наказания. В то же время ему пришло в голову, что Кронос, вероятно, давно его видел, давно вынес ему приговор и сейчас летает где-нибудь вокруг Сириуса, а потому безразлично, что бы теперь ни сделать» [9]

Амалфее, чтобы понять, где именно сконцентрирован яд. Так Зевс и Прометей противопоставляются друг другу: Прометей, живущий с другими титанами на Млечном Пути и сострадающий природе, и Зевс, выросший на природе, лишённый сострадания к окружающему его миру), предпочитает игнорировать титанов сперва ради совместного дела, а после – ради поддержания порядка. Прометей сам себя загнал в ловушку так называемого порядка, вовремя не отреагировав на становление режима, подобного Кроносу: дети бывшего властелина назвали себя богами, Зевс провозгласил себя царём, боги сменили шкуры на одежды из ткани, стали жить во дворце, не в пещерах, но суть осталась та же. Зевс подчинил своих братьев и сестёр, так же, как и Кронос в своё время («*Ich bin der Mächtigste, dachte er und steckte die gespreizten Hände ineinander und drehte federnd und wippend die Handteller nach außen, bis die Fingergelenke knackten. Ich bin der Mächtigste, dachte er, der Mächtigste von allen! Niemand ist mächtiger als ich! Ich bin von allen der Mächtigste!*» [13, с. 117 – 118]), и стал мнительным, таким же, как и его отец.

Титан не поддержал готовящееся восстание, веря, что устойчивая власть Зевса лучше, чем смута, и остался обманутым и покинутым. Только оставшись совсем одним, Прометей вновь решается на действие: он лепит людей по своему подобию, но смертными, веря, что только так они смогут избежать лени, которая свойственна бессмертным титанам: «*Unsterblich macht träge, und ich will meine Geschöpfe doch tätig!*» [13, с. 270].

Прометей Фюмана – персонаж, не находящий себе места ни среди титанов, ни среди богов. Он относится скорее к личностям думающим, чем деятельным, что делает его способным замечать несправедливость, но также это порождает сомнения, которые не позволяют герою действовать своевременно. Фюмоновский герой выделяется на фоне образов других авторов, как античных, так и немецких, своим несовершенством. Через образ Прометея автор рассуждает о повторяемости истории и своём разочаровании в произошедших изменениях.

Библиографические ссылки

1. Гесиод. Теогония [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1425407001#507>. – Дата доступа: 14.01.22.
2. Гесиод. Труды и дни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1425407002#40>. – Дата доступа: 14.01.22.
3. Гёте, И. В. Прометей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stihirus.ru/World/Gete/37.htm>. – Дата доступа: 12.12.22.
4. Исаков, Е. А. Миф как феномен социального бытия в философии XX века / Е. А. Исаков // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – № 120. – С. 91–96.

⁷ «Я самый могущественный, – думал он и, сплетя пальцы, вывернул ладони наружу, да с такой силой, что затрещали суставы. – Я самый, самый могущественный из всех! Нет никого могущественнее меня! Я самый могущественный из всех!» [9]

⁸ Бессмертие делает ленивым, а я хочу, чтобы мои созданыя были деятельны» [9]

5. Мелетинский, Е. М. Миф и двадцатый век / Е. М. Мелетинский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm>. – Дата доступа: 21.02.2020
6. Овчарова, С. В. Миф в творчестве Франца Фюмана: особенности интерпретации / С. В. Овчарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/mif-v-tvorchestve-frantsa-fyumana-osobennosti-interpretatsii>. – Дата доступа: 15.12.22.
7. Овчарова, С. В. Отчуждение личности в романе Ф. Фюмана «Прометей. Битва титанов»: цель, средства и пути преодоления / С. В. Овчарова, М. Л. Скворцова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otchuzhdenie-lichnosti-v-romane-f-fyumana-prometej-bitva-titanov-tsel-sredstva-i-puti-preodoleniya>. — Дата доступа: 15.12.22.
8. Синило, Г. В. История немецкой литературы XVIII века : учеб. пособие / Г. В. Синило. – Минск : БГУ, 2012. – 400 с.
9. Фюман, Ф. Избранное / Ф. Фюман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/izbrannoe-download-292921.html>. – Дата доступа: 15.12.22.
10. Шарыпина, Т. А. Франц Фюман: творческий путь в контексте эпохи / Т. А. Шарыпина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nrgumis.ru/articles/281/>. – Дата доступа: 14.12.22.
11. Эсхил Прометей прикованный / Эсхил [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/POEEAST/ESHIL/prometej.txt>. – Дата доступа: 12.12.22.
12. Ярхо, В. В. Драматургия Эшила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии / В. В. Ярхо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/yarho-dramaturgiya-eshila/index.htm>. – Дата доступа: 14.01.22.
13. Fühmann, F. Prometheus. Die Titanenschlacht / F. Fühmann. – 4. Aufl. – Berlin : Der Kinderbuchverlag, 1980. – 299 S.